

ОБЩЕСТВО, УПРАВЛЕНИЕ И ЗАКОН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

**сборник научных трудов
по материалам Международной
научно-практической конференции**

WWW.SCIPRO.RU

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

**Общество, управление и закон: теоретические и
практические подходы**

**Сборник научных трудов
по материалам Международной научно-практической конференции**

5 февраля 2022 г.

УДК 001
ББК 72

Главный редактор: Н.А. Краснова
Технический редактор: Ю.О. Канаева

Общество, управление и закон: теоретические и практические подходы: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, 5 февраля 2022 г., Нижний Новгород: Профессиональная наука, 2022. – 28 с.

DOI 10.54092/9781678036829

ISBN 978-1-6780-3682-9

В сборнике научных трудов рассматриваются актуальные вопросы развития экономики, политологии, граждановедения, юриспруденции и т.д. по материалам Международной научно-практической конференции «**Общество, управление и закон: теоретические и практические подходы**», состоявшейся 5 февраля 2022 г. в г. Нижний Новгород.

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

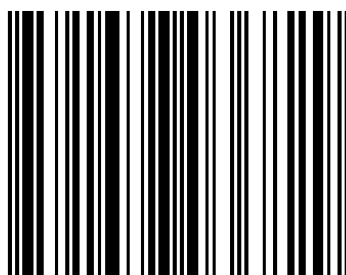
Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте www.scipro.ru.

При верстке электронной книги использованы материалы с ресурсов: PSDgraphics

УДК 001

ББК 72

ISBN 978-1-6780-3682-9

9 781678 036829

- © Редактор Н.А. Краснова, 2022
- © Коллектив авторов, 2022
- © Lulu Press, Inc.
- © НОО Профессиональная наука, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ	5
Рехтина И.В. ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И <i>NON BIS IN IDEM</i> В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	5
СЕКЦИЯ 2. МЕНЕДЖМЕНТ	13
Кудрявцева М.В. ПАРАДИГМА МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	13
СЕКЦИЯ 3. ЭКОНОМИКА И ПРАВО	17
Рехтина И.В. РЕГИОНАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ В РОССИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ.....	17

СЕКЦИЯ 1. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

УДК 347.9

Рехтина И.В. Правовая определенность и *non bis in idem* в гражданском процессе

Legal certainty and *non bis in idem* in civil proceedings

Рехтина Ирина Владимировна,
канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового,
экологического права и гражданского процесса
Алтайский государственный университет
Rekhtina I.V.,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Labor, Ecological Law
and Civil Process of Altai State University

Аннотация. Автор ставит задачу рассмотреть насколько эффективен используемый преимущественно в уголовном судопроизводстве механизм *non bis in idem* в сфере гражданской юрисдикции для обеспечения правовой определенности гражданского судопроизводства. На основе анализа процессуальных норм, судебной практики Европейского суда по правам человека и российских судов исследуется специфика применения правила *non bis in idem* при формировании правовой определенности гражданского судопроизводства Российской Федерации. Показывается, как *non bis in idem* выступает правилом, блокирующим наложение двойной, повторной ответственности, ответственности с нарушением темпоральных и территориальных границ, формируя надлежащий режим правовой определенности гражданского судопроизводства. В связи с чем, делается вывод о целесообразности законодательного закрепления конструкции *non bis in idem* в процессуальных кодексах и расширения использования механизма *non bis in idem* в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: правосудие, гражданское судопроизводство, правовая определенность, *non bis in idem*, Европейский Суд по правам человека, судебная практика

Abstract. The author sets the task of examining how effective the *non bis in idem* mechanism used mainly in criminal proceedings in the field of civil jurisdiction is to ensure the legal certainty of civil proceedings. On the basis of an analysis of procedural norms, the jurisprudence of the European Court of Human Rights and Russian courts, the specificity of the application of the *non bis in idem* rule in the formation of legal certainty of civil proceedings in the Russian Federation is investigated. It is shown how *non bis in idem* acts as a rule that blocks the imposition of double, repeated responsibility, responsibility in violation of temporal and territorial boundaries, forming an appropriate regime of legal certainty of civil proceedings. In this connection, it is concluded that it is advisable to legislatively consolidate the *non bis in idem* construction in procedural codes and expand the use of the *non bis in idem* mechanism in law enforcement.

Keywords: justice, civil proceedings, legal certainty, *non bis in idem*, European Court of Human Rights, jurisprudence

DOI 10.54092/9781678036829_5

Принцип *non bis in idem*¹, несмотря на большее распространение в сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений [1, с. 102 – 111; 4 с. 46 – 51], данный механизм имеет все основания эффективно применяться в области гражданского судопроизводства. Правило *non bis in idem* имеет основополагающее значение и рассматривается как фундаментальный принцип и неотъемлемая часть современных стандартов правосудия [3, с. 87 – 91]. Общепризнанный статус данного принципа неоднократно подчеркивался в постановлениях Европейского Суда по правам человека.

В частности, в Постановлении по делу "Лимбургсе Винил Матсхалпей НВ (LVM) и другие против Комиссии" (Limburgse Vinyl Maatschappij NV (LVM) and others v. Commission), C-238/99 P, C-244/99 P, C-245/99 P, C-247/99 P, C-250/99 P to C-252/99 P & C-254/99, § 59, 15 октября 2002 г.) указывается, что принцип *non bis in idem*, являющийся фундаментальным принципом права Европейского союза, также отраженный в пункте 1 статьи 4 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в антимонопольных вопросах препятствует повторному признанию виновным предприятия или возбуждению против него разбирательства по основаниям неконкурентного поведения, в связи с которыми к нему уже были применены санкции или оно было освобождено от ответственности ранее принятым необжалуемым решением.

В сфере конкурентного права применяется следующий подход для проверки соответствия принципу *non bis in idem*: применение этого принципа регулируется триединным условием тождества фактов, единства нарушителя и единства защищаемого правового интереса. Следовательно, согласно этому принципу к одному и тому же лицу не может быть более одного раза применена санкция за однократное незаконное поведение, рассчитанная на защиту одного и того же правового актива (Дело "Олборг Портленд и другие против Комиссии" (Aalborg Portland and others v. Commission), C-204/00P, 205/00P, 211/00P, 213/00P, 217/00P, 219/00P, § 338, 7 января 2004 г.).

Транслируемый на конвенционном уровне фундаментальный подход к правилу *non bis in idem* разделяется на внутригосударственном уровне Российской Федерации. В частности, в постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ отражена значимость данного общепризнанного принципа права, которые имеют универсальное значение и формируют основу национального конституционного порядка (см. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 N 312-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бояринцева Игоря Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 319 Уголовного кодекса Российской Федерации"). Одним из таких принципов является правило *non bis in idem*, которое получило закрепление в статье 50 (часть 1)

¹ *Ne bis in idem* (лат.) – недопустимость повторного судебного преследования за одно и то же правонарушение.

Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 04.02.2019 N 8-П "По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У.М. Эркеновой" подчеркивает, что правило *non bis in idem* имеет общее значение и распространяется на все отрасли российского законодательства, разновидности правонарушений и ответственности.

Российские суды, рассматривая дела в порядке гражданского судопроизводства, также используют принцип *non bis in idem* при рассмотрении конкретных дел. Например, в Постановлении ФАС Волго-Вятского округа от 17.02.2014 по делу N А43-2126/2013, оставленным без изменения судом надзорной инстанции, содержится указание, что такое положение вещей означало бы, что Администрация, нарушив прямой запрет статьи 310 Кодекса, в одностороннем порядке отказалась от обязательств продавца и в обход специальных процедур, предусмотренных Федеральным законом от 26.10.2002 N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)", получила преимущество перед другими кредиторами Общества, а Общество, вопреки общеправовому принципу *non bis in idem* (постановление Европейского Суда по правам человека по делу "Олборг Портленд и другие против Комиссии" от 07.01.2004), понесло двойную ответственность за несвоевременное исполнение обязательств по договору купли-продажи земельного участка.

В другом деле Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что объективная сторона деяния, ответственность за которое наступает при наличии состава правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 6.7 Кодекса г. Москвы об административных правонарушениях, за совершение которого Общество было привлечено к административной ответственности, так и ответственность, установленная в пункте 7.4 Договора наступила за совершение ответчиком одного деяния, совершенного при одних и тех же фактических обстоятельствах. Соответственно повторное применение к Обществу меры за его совершение противоречит положениям, закрепленным в статье 50 Конституции Российской Федерации. При таких фактических обстоятельствах судебная коллегия пришла к выводу, что взыскание с ответчика штрафа по Договору, при наличии вынесенного и не оспоренного стороной постановления о назначении административного наказания по делу N 4313У/9056661-18 приведет к повторному привлечению Общества к ответственности и двойному взысканию штрафа за одно нарушение (см. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.11.2019 N 09АП-57747/2019-ГК по делу N А40-145676/2019).

Принцип *non bis in idem* применяется при выборе способа защиты нарушенного права и определении размера взыскиваемого вреда. Так, в Апелляционном определении Нижегородского областного суда от 02.10.2018 по делу N 33-11610/2018 содержится

указание, что применительно к данному делу, определяя справедливый и соразмерный допущенному нарушению обязательства размер возмещения вреда (размер убытков), суд первой инстанции правомерно исходил из того, что принцип полного возмещения вреда исключает нарушение общего принципа недопустимости возложения ответственности дважды за одно и то же (*ne bis in idem*).

Одним из аспектов применения правила *non bis in idem* в сфере гражданкой юрисдикции является квалификация в определенных случаях Европейским Судом по правам человека надзорного производства в качестве повторного рассмотрения дела (повторной ответственности) и, как следствие, противоречащего принципу *non bis in idem* (см. Постановление ЕСПЧ от 27.07.2006 "Дело "Фадин (Fadin) против Российской Федерации" (жалоба N 58079/00)).

Так, Европейский Суд по правам человека в своем Постановлении от 29.01.2009 по делу «Червоненко против РФ» указал, применительно к существовавшему на тот период надзорному производству, что если протест удовлетворен и производство возобновляется для дальнейшего рассмотрения, окончательный результат надзорной процедуры может заключаться в отмене всех ранее принятых решений судов и разрешении обвинений в новом решении. В связи с этим последствия надзорной процедуры совпадают с пересмотром дела, поскольку оба составляют форму продолжения предшествующего производства. Европейский Суд считает, что для целей *non bis in idem* (недопустимость повторного наказания) надзорное производство может считаться особым видом пересмотра дел, подпадающим под действие пункта 2 статьи 4 Протокола N 7 к Конвенции.

Особенное значение правило *non bis in idem* приобретает при делящихся деликтах, делящемся неисполнении обязательства и т.п. Данная проблема всегда волновала правоведов. Обращаясь к истории вопроса, следует подчеркнуть, что в своей известной работе «Programa del corso di diritto penale» Франческо Каррара (Francesco Carrara) дал исчерпывающее определение понятия «продолжаемое правонарушение (преступление)», обосновав его наличием интеллектуального фактора, то есть существованием одной и той же одиозной идеи, лежащей в основе всех его деяний [9, с. 111]. Именно это определение было включено в статью 81 Уголовного кодекса Италии 1930 года, известного как Кодекс Рокко (см. Постановление ЕСПЧ от 27.01.2015 "Дело "Рохлена (Rohlena) против Чешской Республики" (жалоба N 59552/08)).

Сталкиваясь с проблемой последовательно совершенных деяний, объединенных общей целью, французская доктрина, во главе которой стоял генеральный прокурор при Кассационном суде Франции Фостен Эли (Faustin Hélie), также стали придерживаться того же мнения, что и итальянские правоведы. Новизна подхода Эли заключалась в процессуальном выводе, который он сделал из итальянской доктрины: если человеку предъявляется

обвинение в совершении одного или нескольких отдельных деяний, образующих продолжаемое правонарушение, ему нельзя предъявить обвинение еще раз, чтобы судить его за другие отдельные деяния, образующие продолжаемое преступление, которые не были приняты во внимание при первом рассмотрении дела [7, с. 587]. Обсуждать эти вопросы в рамках второго судебного разбирательства запрещает принцип *non bis in idem* [8, с. 242].

Впоследствии в Уголовном уложении Баварии под влиянием Фейербаха стало проводиться различие между *wiederholtes Verbrechen*, «повторным преступлением», за которое полагалось несколько наказаний, если деяния правонарушителя имели разные объекты, и *fortgesetztes Verbrechen*, «продолжаемым преступлением», за которое полагалось единое наказание, если у деяний правонарушителя был один и тот же объект (*an demselben Gegenstande oder an einer und derselben Person*).

Соответственно, в европейской правовой традиции нормы о совокупности преступлений (правонарушений, деликтов, неисполнения обязательств) (*concursum delictorum*) находятся в строгой зависимости от следующих факторов: принципа законности с точки зрения как принципа *nullum crimen sine lege praevia*², так и принципа *nulla poena sine lege praevia*³, а также принципа *non bis in idem*, который запрещает неоднократное преследование или наказание правонарушителя за одно и то же проступок, а, следовательно, применяется к повторному наказанию за то же самое правонарушение в рамках одного или нескольких последовательных судебных разбирательств.

Однако необходимо разграничивать правила применения принципа *non bis in idem* к делящимся правонарушениям и повторяющимся правонарушениям. Данный аспект подчеркивается и Европейским Судом по правам человека, который в своем постановлении от 24.06.2003 Дело «Роже Гароди (Roger Garaudy) против Франции» цитирует постановление Кассационного Суда Франции и указывает, что «поскольку публикация является элементом совершения нарушения против законодательства о печати, любое воспроизведение в опубликованной периодике текста, который уже опубликован, составляет, независимо от языка, новое нарушение. Соответственно, в отсутствие нарушения правила *non bis in idem* повторная публикация влечет предание нарушителя уголовному разбирательству независимо от разбирательства по поводу первоначальной публикации». Также подчеркивается, что правило *non bis in idem* не применяется, если действия, вызвавшие первое разбирательство, с правовой или фактической точек зрения не идентичны (не тождественны) фактам, относящимся ко второму разбирательству».

² *Nullum crimen sine lege praevia* (лат.) – нет преступления без предусматривающего его закона, который был принят до его совершения.

³ *Nulla poena sine lege praevia* (лат.) – нет наказания без предусматривающего его закона, который был принят до совершения преступления (примеч. редактора).

В практике российских судов подобные судебные ошибки встречаются и исправляются судами вышестоящих инстанций в порядке обжалования. Например, Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 05.08.2016 N С01-342/2015 по делу N СИП-921/2014 выявлена ошибка суда в привлечении к ответственности за проявленное неуважение к суду, выразившееся в систематическом уклонении от явки в судебное заседание, которая была признана судом обязательной, и возложении многократной ответственности за одно и то же деяние. В своем постановлении Суд, опираясь на правовую позицию Конституционного Суда РФ, указал, что принцип *non bis in idem* применяется к любым видам юридической ответственности, в том числе и к ответственности за проявление неуважения к суду.

В указанном деле неявка предпринимателя в каждое судебное заседание при условии, что она была признана судом обязательной, могла послужить основанием для квалификации поведения предпринимателя как являющегося основанием для наложения судебного штрафа. Вместе с тем президиум Суда по интеллектуальным правам принимает во внимание, что определением Суда по интеллектуальным правам от 11.03.2016 предприниматель Б. уже была привлечена к ответственности за проявление неуважения к суду, выразившееся в систематическом уклонении от явки в судебное заседание, которая была признана судом обязательной. При этом штраф за проявление неуважения к суду был наложен многократно за неявку во все судебные заседания вплоть до последнего, что является нарушением принципа *non bis in idem*.

Правило *non bis in idem* предполагает исключение случаев двойной гражданско-правовой, административной, уголовной ответственности или сочетания разных видов ответственности. В практике национальных судов Российской Федерации встречаются примеры нарушения правила *non bis in idem*, о чем свидетельствуют жалобы, поданные в Европейский Суд по правам человека (см. Постановление ЕСПЧ от 12.12.2013 "Дело "Хмель (Khmel) против Российской Федерации" (жалоба N 20383/04)).

В Постановлении ЕСПЧ от 10.02.2009 по Делу «С. Золотухин против РФ» было установлено нарушение принципа *non bis in idem* и требований статьи 4 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку заявитель был привлечен к ответственности дважды за одно и то же правонарушение (административная и уголовная ответственность). В Постановлении от 21.10.2014 по делу "Шибендра Дев (Shibendra Dev) против Швеции" (жалоба N 7362/10) Европейский Суд констатировал факт одновременного привлечения к судебной ответственности и возложения обязанности по уплате налоговых пеней.

Перед национальными судами Российской Федерации стоит задача правильного применения правила *non bis in idem*, включая учет особенностей и обстоятельств конкретных

дел, отдельного вида правонарушения, что отражено в Определении Конституционного Суда РФ от 11.02.2020 N 264-О-Р "По ходатайству Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года N 2-П".

В судебной практике российских судов имеются случаи, при которых, на первый взгляд, нарушается концепция *non bis in idem*, но при более внимательном анализе проявляется специфический режим применения принципа *non bis in idem* при квалификации конкретного вида правонарушения и установления ответственности. Данный подход продемонстрирован в Постановлении Третьего арбитражного апелляционного суда от 25.02.2019 по делу N А33-22211/2018, в котором Арбитражный апелляционный суд констатировал возможность применения компенсаторной меры одновременно со штрафной санкцией, что не нарушает общеправовой принцип недопустимости повторного привлечения к ответственности за одно и то же деяние (*non bis in idem*) и согласился с выводами суда первой инстанции, что решение и предписание антимонопольного органа, в соответствии с которым ООО ГК "Единство" обязано перечислить в федеральный бюджет доход, полученный в результате нарушения антимонопольного законодательства, призваны обеспечить восстановление баланса публичных и частных интересов. Компенсаторный характер данной меры обуславливает возможность ее применения параллельно с мерами ответственности, носящими штрафной характер.

Рассмотрение правила *non bis in idem* позволяет заключить, что, несмотря на возникновение и развитие данного принципа в рамках уголовного и уголовно-процессуального права, последующая его универсализация привела к распространению и применению в рамках иных отраслей права цивилистической и административной направленности [2, с. 20 – 24; 5, с. 24 – 27; 6, с. 67 – 71]. Будучи закрепленным на конвенционном уровне в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., данный принцип получил нормативное оформление в иных актах международного и национального права. Стандарты применения *non bis in idem* вырабатывались в рамках судебной практики и трансформировались по мере эволюции доктринальных взглядов и преобразования практико-ориентированных подходов. В современных условиях принцип *non bis in idem* обеспечивает правовую определенность путем блокирования двойной, повторной и параллельной ответственности за правонарушение (деликт, неисполнение обязательства и др.), исключения ответственности с нарушением темпоральных (временных) и территориальных пределов.

Несмотря на разработанность правил *non bis in idem* в праве государств системы Civil Law, их адресность, прежде всего, суду, данный механизм был внедрен в законодательство государств системы Common Law. Соответственно, трансформируется

субъектная направленность данного механизма, путем распространения возможности его применения (заявления) непосредственно участниками спора.

Таким образом, *non bis in idem* выступает гарантированным на международном уровне правилом, блокирующим наложение двойной, повторной ответственности, ответственности с нарушением темпоральных и территориальных границ, формируя надлежащий режим правовой определенности гражданского судопроизводства. В связи с чем, возникает целесообразность законодательного внедрения и более частого использования механизма *non bis in idem* в рамках гражданской процессуальной формы всеми участниками гражданских процессуальных отношений.

Библиографический список

1. Андрусенко С.П. Восстановление социальной справедливости и назначение соразмерного наказания в контексте принципа *non bis in idem* // Журнал российского права. 2015. N 2. С. 102 - 111.
2. Долгих Т.Н. Вопросы, возникающие при квалификации действий по статье, содержащей административную преюдицию // Уголовное право. 2019. N 3. С. 20 - 24.
3. Игнатенко Г.В. Запрет повторного привлечения к ответственности (*non bis in idem*) как общий принцип права // Российский юридический журнал. 2005. № 1. С. 87 – 91.
4. Ключников А.Ю. Административное и уголовное преследование в свете запрета двойной наказуемости: *non bis in idem* в практике международных судов // Российский судья. 2017. N 12. С. 46 – 51.
5. Михаленко Ю.В. Применение принципа "*non bis in idem*" в контексте противодействия злоупотреблениям на рынке ценных бумаг. Комментарий к решению ЕСПЧ по делу "Гранде Стивенс против Италии" 2014 г. // Международное публичное и частное право. 2018. N 3. С. 24 – 27.
6. Старостина П.В. Принцип *non bis in idem* в административном и уголовном праве (международно-правовые аспекты) // Административное право и процесс. 2013. N 4. С. 67 – 71.
7. Faustin Helie. *Traite de l'instruction criminelle* / Faustin Helie. – Bruxelles : Bruylant-christophe et compagnie, 1848. – 844 p.
8. Koch J. K. *Institutiones Iuris Criminalis* / J. K. Koch. – Jenae : Melchior, 1758. – 584 p.
9. Pisapia, G. D. *Reato continuato* / G. D. Pisapia. – New York : Jovene, 1938. – 263 p.

СЕКЦИЯ 2. МЕНЕДЖМЕНТ

УДК 331.108

Кудрявцева М.В. Парадигма менеджмента в условиях современной социально-экономической реальности

The paradigm of management in the conditions of modern socio-economic reality

Кудрявцева Мария Викторовна

Старший преподаватель кафедры социальной работы и права
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
Санкт-Петербург
Kudryavtseva Maria Viktorovna
Senior Lecturer of the Department of social work and law
Saint Petersburg University of industrial technology and design,
Saint Petersburg

***Аннотация.** В статье рассматриваются некоторые особенности и ключевые характеристики современной парадигмы менеджмента. Подчеркивается, что важнейшим конкурентным преимуществом компании в условиях современной рыночной экономики являются человеческие ресурсы, а также качество и эффективность их использования, т.е. процесс управления ими. Отмечается проблема ухода талантливых людей из крупных компаний, а также обосновывается необходимость внедрения в качестве подхода к управлению лидерства.*

***Ключевые слова:** компания, организация, управление, менеджмент, ресурсы, развитие, парадигма, лидерство.*

***Abstract.** The article discusses some of the features and key characteristics of the modern management paradigm. It is emphasized that the most important competitive advantage of a company in a modern market economy is human resources, as well as the quality and efficiency of their use, that is, their management process. The problem of leaving talented people from large companies is noted, and the need for implementation as an approach to leadership management is justified.*

***Keywords:** company, organization, management, management, resources, development, paradigm, leadership.*

DOI 10.54092/9781678036829_13

Тенденции развития современного общества и социально-экономической сферы характеризуются ускоренным научно-технологическим прогрессом, внедрением инноваций, цифровизацией. В связи с этим компании, которая стремится к устойчивым преимуществам и успеху на рынке, важно обладать высокой степенью адаптивности, в том числе за счет постоянного поиска новых возможностей и их своевременной реализации. В условиях текущих социально-экономических изменений гибкость организации, ее адаптивность, приобретают первостепенное значение и во многом обеспечиваются внутренними ресурсами организации.

К важнейшим конкурентным преимуществам компании сегодня относятся человеческие ресурсы и управление ими. Как отмечают отечественные исследователи, человеческие ресурсы «создают неповторимый климат в компании (командный, инновационный, предпринимательский), который способствует непрерывному совершенствованию продуктов и бизнес-процессов, что в свою очередь, определяет устойчивость и долгосрочность конкурентных преимуществ компании» [1, с. 70].

В прошлом веке в концепции управления персоналом человек использовался как сырьевой ресурс, как фактор производства и достижения экономической эффективности организации, т.е. финансовой прибыли. В такой концепции менеджмента превалировал рационализм в управлении кадрами, усиленный внешний контроль, жесткая субординация и иерархичность. Сегодня же в контексте новой парадигмы менеджмента человек воспринимается как основная движущая сила (интеллектуальная, творческая, инновационная) жизнестойкости и конкурентоспособности организации. Подобное восприятие человека, его места и роли в функционировании организации, стимулирует поиск новых и эффективных подходов к управлению человеческими ресурсами.

По мнению известнейшего американского ученого в области менеджмента Питера Друкера, в условиях XXI века «...производительность работника умственного труда должна, по всей видимости, стать целью управления персоналом, как повышение производительности малоквалифицированного рабочего было целью управления персоналом на протяжении прошедшего столетия <...>. Для этого потребуются, помимо всего прочего, совершенно иные подходы к сотрудникам организации и к их работе, а именно:

- людьми не нужно «управлять»;
- задача – направлять людей;
- цель – сделать максимально производительными специфические навыки и знания каждого отдельного работника» [2, с. 35].

Реализация обозначенных подходов в новой парадигме менеджмента предусматривает стимулирование командной работы и внедрение в качестве подхода к управлению лидерства. Управленческое лидерство выступает тем инструментом, который направлен на регуляцию социального взаимодействия и достижение синергетического эффекта в процессе движения к значимой для компании и для каждого участника взаимодействия цели. В научной литературе подчеркивается, что «лидеры новой формации делают акценты не на контроль поведения, а на развитие сотрудников, поддержку их инициатив и идей; они оставляют себе роль проводников изменений и разъяснителей курсов действий, которые сами же и определяют» [3, с. 297].

При этом в качестве одной из значимых управленческих проблем современных компаний некоторые исследователи отмечают уход талантливых сотрудников, которые

способны внести существенный вклад в результативность компании и перспективы ее развития. Среди причин указываются такие, как:

- чрезмерная бюрократизация в негативном ее проявлении;
- отсутствие проектов, которые способны объединить ярких талантливых сотрудников и создать условия для интересной командной работы на пользу компании;
- неясные карьерные перспективы и недостаточные возможности для карьерного продвижения;
- отсутствие соответствующей талантливым людям атмосферы для работы;
- мало возможностей для обучения, отвечающего потребностям талантливых сотрудников;
- недостаточно развитые отношения с коллегами, руководителями и иными сотрудниками компании;
- не отвечающее потребностям и желаниям талантов вознаграждение за работу и др. [4, 5].

Вероятно, проблема ухода талантливых людей из крупных компаний также связана со слабым развитием управленческого лидерства и превалированием традиционных для новой парадигмы менеджмента подходов к управлению человеческими ресурсами (жесткая иерархия, авторитарное принятие решение, отсутствие гибких систем стимулирования сотрудников и пр.). Несомненно, в современных компаниях и организациях важно развивать управленческое лидерство, поскольку это не просто способ оснащения менеджеров соответствующими знаниями и навыками, а прежде всего инструмент управляемых и целенаправленных изменений в компании.

Итак, основными положениями новой парадигмы управления в условиях современного информационного общества являются следующие:

- предприятие рассматривается как «открытая» система;
- основной упор делается на качество продукции и услуг, на удовлетворение потребностей;
- используется ситуационный подход к управлению, признается важность адаптации к условиям внешней среды;
- существует потребность в человеческих ресурсах, которые обладают знаниями, ключевыми навыками и компетенциями;
- создаются комфортные условия, действует система поощрения и мотиваций для реализации потенциала у сотрудников;
- особая роль уделяется повышению организационной корпоративной культуры и внедрению инноваций [6].

Таким образом, устойчивый успех фирмы и ее конкурентные преимущества в условиях современной рыночной экономики во многом определяются уникальными человеческими ресурсами, их компетентностью, а также качеством и эффективностью их использования. Традиционная парадигма менеджмента теряет свою эффективность в новых социально-экономических реалиях. В современной парадигме менеджмента компания как открытая и живая социальная система, которой присуще постоянное обновление и изменчивость, должна быть заинтересована в сотруднике компетентном, многопрофильном, саморазвивающемся, талантливым и перспективном.

В стремительно меняющемся мире каждой компании необходимо гибко реагировать на изменения, реализовывать стратегии антикризисного менеджмента, стимулировать креативность сотрудников и удерживать таланты. Достижение данных целей возможно посредством внедрения новых подходов к управлению человеческими ресурсами, которые соответствуют современной парадигме менеджмента.

Библиографический список

1. Никишина А.Л. Человеческий ресурс как основной фактор повышения конкурентного преимущества предприятия // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2013. – № 2 (28). – С. 70-77.
2. Друкер П. Менеджмент. Вызовы XXI века. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 256 с.
3. Нальгиева Х.Л. Лидерство в системе управления // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 5: Экономика. – № 3 (150). – С. 293-297.
4. Синяева О.Ю. Менеджмент XXI века и новая парадигма проектного подхода // Лидерство и менеджмент. – 2015. – Т. 2. – № 4. – С. 265–278.
5. Мондрус О.В., Мартихина С.Д., Осипова А.С. Внешние и внутренние условия реализации практик удержания талантов в организациях: сравнительный анализ // Организационная психология. – 2020. – № 10 (1) . – С. 62-88.
6. Соколов М.А. Сущность новой управленческой парадигмы // Молодой ученый. – 2014. – № 6.2 (65.2). – С. 61-63.

СЕКЦИЯ 3. ЭКОНОМИКА И ПРАВО

УДК 332.1; 334.7; 347.19

Рехтина И.В. Региональные кластеры в России: законодательные и практические вопросы

Regional clusters in Russia: legislative and practical issues

Рехтина И.В.,

доцент кафедры трудового, экологического права
и гражданского процесса,

Алтайский государственный университет,
кандидат юридических наук, доцент

Rekhtina I.V.

Ph.D. in Law, Associate Professor,
the Chair of Labor, Environmental Law
and Civil Process, Altai State University

Аннотация. В статье рассматриваются экономические и организационно-правовые основы формирования на территории Российской Федерации региональных кластеров, как своеобразной для законодательства и экономики России формы объединения юридических лиц. На основе обобщения общетеоретических подходов к понятию «кластер», изучения зарубежного опыта использования кластерного подхода, а также детального анализа национальной законодательной базы исследуются экономические предпосылки и целесообразность внедрения кластеров в экономику различных регионов России. Отсутствие надлежащего правового регулирования процесса создания кластеров в Российской Федерации позволяет выявить проблемы и недостатки в механизме формирования и внедрения кластеров в российскую экономику. В целях повышения эффективности функционирования разнообразных кластеров формулируются предложения по совершенствованию действующего российского законодательства. В частности, рекомендуется принять специальный Федеральный закон «О кластерах», закрепляющий общее унифицированное понятие кластера, его признаки и отличительные черты как комплексного объединения различных форм юридических лиц, органов государственной власти и органов местного самоуправления, имеющих сложный координационный характер взаимоотношений. Обращается внимание на роль государства в создании перспективных кластеров, которая должна включать не только финансирование данных субъектов, но и оказание поддержки нефинансового характера. Рекомендуется разработать отдельную методiku оценки эффективности функционирования кластеров, учитывающую влияние результатов деятельности кластеров на развитие отдельных сфер региона и рост валового регионального продукта.

Ключевые слова: кластер; региональная экономика; социально-экономическое развитие; юридические лица; правовое регулирование; интеграция

Abstract. The article considers the economic, organizational and legal basis for the formation of the Russian Federation on the territory of regional clusters, as a new law for the Russian economy and form an association of legal persons. On the basis of summarizing the general theoretical approaches to the concept of "cluster" study of international experience in using the cluster approach, as well as a detailed analysis of the national legal framework and economic preconditions investigated the feasibility of clusters in various regions of the Russian economy. Lack of proper legal regulation of the creation of clusters in the Russian Federation reveals deficiencies in the mechanism of formation and implementation

of clusters in the Russian economy. In order to improve the efficiency of the various clusters makes proposals to improve the existing Russian legislation. In particular, it is recommended to take a special federal law "Clusters", sets forth the general concept of a unified cluster, its signs and distinctive features as a complex combination of different forms of legal entities, public authorities and local governments with complex focal nature of the relationship. Draws attention to the role of government in creating promising clusters, which should include not only the financing of these subjects, but also non-financial support. It is recommended to develop a separate methodology for evaluating the performance of clusters, taking into account the impact of the performance of clusters on the development of certain areas of the region and the growth of the gross regional product.

Keywords: cluster, regional economy, socio-economic development, legal persons, legal regulation, integration

DOI 10.54092/9781678036829_17

На современном этапе развития российского государства и социально-экономических отношений актуализировался вопрос создания региональных кластеров [7], что требует детального законодательного регулирования. Процесс формирования нормативной базы, регулирующей механизм функционирования такого объединения экономических субъектов, как кластеры, не является системным, а представляет единичные разрозненные документы. Данное обстоятельство свидетельствует об отсутствии методики выявления эффективности кластеров и их влияния на экономику региона.

«Кластер» как научный термин ранее применялся в ряде естественных наук. Значение его в переводе с английского языка определяется как: 1) кисть, гроздь; 2) скопление, концентрация; 3) группа [1, с. 58]. В конце 30-х гг. прошлого века в математике был сформулирован аппарат кластерного анализа многомерных данных, где, вероятно, впервые был использован этот термин [18, 23].

Несмотря на то, что основателем кластерного подхода в экономике считается М. Портер (1990 г.), предпосылки отдельных положений и элементов для обозначения территориального (регионального) кластера можно выявить в более ранних работах (первая половина XX в.) как зарубежных ученых (В. Лаунхардт, А. Вебер, А. Лёш, У. Айзард, И. Тюнен), так и в трудах представителей отечественной школы региональных экономических исследований (Н.Н. Колосовский, вторая половина XX в. – Н.Н. Баранский, К.М. Бадман, Н.И. Ларина, Ю.Г. Саушкин и др.) [5, 73].

В России к середине XIX в. формируются теоретико-методологические основы, факторы и принципы экономического районирования, в рамках которого специализация развития района предопределяется его ресурсно-сырьевым потенциалом. Н.Н. Колосовский вводит понятие производственно-территориальных комплексов (ПТК), в которых достигается наивысшая эффективность производительных сил за счет комбинирования технологических процессов при переработке сырья, получении энергии, использовании оборудования и труда [6].

Ученые Института экономики СО АН в 1960-1965 гг. (К.М. Бадман, Н.И. Ларина и др.) в качестве базового модуля территориальной организации производительных сил предлагают территориально-производственный комплекс (ТПК) – планомерно формируемое взаимодействие технологических процессов по освоению природных ресурсов, значительно повышающее экономическую эффективность производства [8]. Концепция ТПК подразумевала компактное расположение на территории одного региона производственных предприятий и непромышленных учреждений с целью наращивания положительных внешних эффектов.

Методики западной школы не предусматривали связи производственных процессов с природной ресурсно-сырьевой составляющей территории, в то время как в условиях России с ее огромной территорией и ресурсным потенциалом невозможно просто определить точку размещения промышленного производства, а необходимо многофакторное сравнение природных ресурсов с целью выбора тех из них, которые обеспечивают получение наибольшего экономического эффекта с учетом состояния конкретной рассматриваемой части территории.

Вместе с тем, профессор Г.Г. Шамлина отмечает совпадение приведенных понятий территориальных образований (ТПК и ПТК), разработанных и внедренных российскими учеными в практику научных исследований, с понятием «кластер» [18, 12]. Она также указывает на то, что базисной составляющей, проходящей через все приведенные формулировки понятий территориальных образований российских ученых и кластера, является часть территории формирования этих образований, набор технологических структур и механизмы формирования этих структур; а главной целью – поиск оптимального их сочетания, обеспечивающего наибольший экономический эффект.

Основоположник кластерного подхода М. Портер формулирует следующее определение кластера: «кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга. Географические масштабы кластера могут варьироваться от групп производства одного города или штата (региона) до страны или даже нескольких соседствующих стран. Кластеры принимают различные формы в зависимости от своей глубины и сложности, но большинство включают компании готового продукта или сервисные компании; поставщиков специализированных факторов производства, компонентов, машин, а также сервисных услуг; финансовые институты, фирмы в сопутствующих отраслях ... правительственные структуры, оказывающие существенное влияние на кластер, могут рассматриваться как его часть» [16, 207]. В выработанном М. Портером определении, нет прямого указания на наличие ресурсно-сырьевого потенциала как обязательного фактора возникновения и

развития кластера. Более того, он отмечает, что местные трудовые и природные ресурсы не обеспечивают преимущества в наукоемких (инновационных) отраслях; набор факторов, которыми обладает государство (либо конкретная местность) в некоторый определенный момент времени, оказывается менее значимым, чем скорость и эффективность их создания и обновления, а также применения в конкретных отраслях.

ПТК и ТПК, вероятно, следует рассматривать в качестве предшественников промышленных кластеров, формой пространственной структуризации, соответствующей времени и месту. Их основой, также как и основой кластера, служили устоявшиеся связи между участниками (производители, поставщики, посредники, потребители), органами власти, сообществами, обеспечивающие синергетический эффект. Однако специфическим свойством кластерных структур, в отличие от ПТК и ТПК, является совмещение кооперации и конкуренции, так называемое конкурентное сотрудничество внутри кластера, что также отмечено М. Портером [16].

Одним из условий эффективного формирования кластеров в регионе является наличие специализации отраслей, под которой понимается форма общественного разделения труда, отражающая сосредоточение производств отдельных видов продукции или частей в самостоятельных отраслях, производствах или на специализированных предприятиях [3, с. 77]. Реализуемая федеральным центром региональная политика должна способствовать формированию единого экономического пространства страны, имеющего благоприятные условия для развития, в том числе, периферийных территорий, потому как региональная политика «точечного» или избирательного характера ведет к усилению позиций сильных регионов и большему ослаблению слабых, т.е. к неоднородности экономического пространства и подавлению свойства самоорганизации региональных экономических систем. Задача создания пространственной интеграции экономики страны требует формирования эффективного государственного механизма горизонтального взаимодействия регионов, развития территориального (регионального) разделения труда, сохранения и усиления межрегиональных связей и, в конечном счете, создания единого рыночного пространства, в том числе с помощью поддержки и развития межрегиональных кластеров.

Введение отдельных элементов кластера в разработку основ территориальной организации производительных сил государства будет способствовать диверсификации хозяйства страны. Внедрение кластеров в экономику в сочетании с методами оценки состояния природных и антропогенных составляющих в их взаимодействии, а также разработка инструментов регулирования и поддержки кластерных форм интеграции, находящихся на определенной стадии развития, позволит определить основные

направления более эффективного социально-экономического развития регионов (территорий).

Как показывает практика, наибольшего успеха в конкурентной борьбе достигают страны и регионы, имеющие высокотехнологичные кластеры. Так, в странах-лидерах рейтингов конкурентоспособности – США, Швейцарии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Нидерландах, Великобритании и Франции – проводится целенаправленная кластерная политика [15,25]. Опираясь на опыт формирования и регулирования кластеров ведущих стран, государственная поддержка кластерных инициатив осуществляется в Индии, Китае, Австрии, Индонезии, Малайзии, Мексике, Чехии, Венгрии, Казахстане, Украине и других странах.

В российском законодательстве юридическая дефиниция категории «кластер» содержится в ст. 2 Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [12], где под кластером понимается совокупность особых экономических зон одного типа или нескольких типов, которая определяется Правительством Российской Федерации и управление которой осуществляется одной управляющей компанией.

Основная критика данного определения состоит в том, что закон узко трактует общеэкономическое понятие кластера, общепризнанное в мировой практике, под которым понимается не столько объединение территорий, как географических объектов, а преимущественно объединение различных субъектов экономических отношений одной (различных) экономических сфер, одной (различных) административных территорий. При этом кластер рассматривается не только как «насаждаемая» государством или иным публичным субъектом форма экономического сотрудничества, но и естественным путем образуемое объединение экономических субъектов, способствующее конкурентоспособности региона и государства, в целом. Типичным примером является японский кластер фирмы «Toyota», многоступенчатая система которого состоит из одного относительно большого головного предприятия и многотысячной сети привлекаемых субподрядчиков малых и средних предприятий смежных отраслей [2].

Вместе с тем в российском законодательстве термин «кластер» часто употребляется в правовых актах различного уровня. Так, в основном документе стратегического развития экономики России «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» [20], в рамках регионального развития государства расшифровывается инновационная и социальная ориентация, реализуемая, в том числе, и с помощью: формирования территориально-производственных кластеров, ориентированных на высокотехнологичные производства в приоритетных отраслях экономики, с концентрацией таких кластеров в урбанизированных регионах; а также территориально-производственных кластеров на слабоосвоенных территориях,

ориентированных на глубокую переработку сырья и производство энергии с использованием современных технологий.

Согласно вышеназванной Концепции, основными направлениями содействия развитию кластеров, реализуемыми органами государственной власти и местного самоуправления, являются:

- содействие институциональному развитию кластеров, предполагающее, в том числе, инициирование и поддержку создания специализированной организации развития кластера (центров кластерного развития), а также деятельности по стратегическому планированию развития кластера, установлению эффективного информационного взаимодействия между участниками кластера и стимулирование укрепления сотрудничества между ними;

- развитие механизмов поддержки проектов, направленных на повышение конкурентоспособности предприятий и содействие эффективности их взаимодействия (стимулирование инноваций и развитие механизмов коммерциализации технологий; повышение качества управления на предприятиях кластера, повышение конкурентоспособности и качества продукции у предприятий-поставщиков и развитие механизмов субконтракции; содействие маркетингу продукции (товаров, услуг), выпускаемой предприятиями-участниками кластера и привлечению прямых инвестиций);

- обеспечение формирования благоприятных условий развития кластеров, включающих повышение эффективности системы профессионального образования, содействие развитию сотрудничества между предприятиями и образовательными организациями, осуществление целевых инвестиций в развитие объектов инновационной инфраструктуры, предоставление налоговых льгот, в соответствии с действующим законодательством, снижение административных барьеров.

Если государство стремиться содействовать развитию кластеров, то необходимо учитывать следующие критерии для выявления отраслей и специализации для создания перспективных региональных кластеров: 1) наличие устойчивого экспорта отрасли; 2) приток иностранных инвестиций; 3) формирование значительной части валового внутреннего продукта страны или валового регионального продукта (ВРП) за счет рассматриваемой отрасли.

В соответствии с федеральными документами и во исполнение общегосударственной политики развития экономики разработаны региональные стратегии инновационного развития. В частности, в Алтайском крае действует целый ряд документов стратегического, среднесрочного и текущего планирования, регламентирующих перспективы развития региона.

Законом Алтайского края от 21 ноября 2012 года N 86-ЗС «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года» в качестве стратегической цели социально-экономического развития Алтайского края было определено превращение края в глобальный центр здоровья, культуры и отдыха, регион, обеспечивающий современные стандарты уровня и качества жизни, обладающий развитыми аграрно-промышленным и научно-инновационным комплексами.

Наиболее эффективное достижение указанной цели предполагается через реализацию четырех стратегических направлений, в том числе на основе формирования региональных центров развития и территориальных кластеров, что должно способствовать повышению уровня инновационности экономики края. Исходя из основополагающих документов социально-экономического развития края и Сибири, администрацией Алтайского края планируется создание кластеров нескольких специализаций – биофармацевтического, туристического и группы агропромышленных кластеров [9].

Однако одновременно с определением участников названных кластеров не разработаны экономические механизмы сотрудничества их между собой, а также с органами государственной власти, отсутствуют нормативно-правовые основы их взаимодействия. В каждом муниципальном образовании Алтайского края разработаны и утверждены Комплексные программы социально-экономического развития, в которых подчеркивается целесообразность создания кластеров на соответствующей территории без конкретизации механизма и процедур их создания [19].

Детальный анализ законодательной базы позволяет заключить, что в законодательстве Российской Федерации отсутствует унифицированное определение понятия «кластер», а также специальный закон, комплексным образом регулирующий данную форму объединения юридических лиц. В действующем гражданском законодательстве России в качестве форм объединения юридических лиц названы холдинги [10], Финансово-промышленные группы [12]. Кластер как форма объединения юридических лиц в законодательстве России не закреплен.

Вместе с тем, термин «кластер», без расшифровки его понятия и толкования, используется в подзаконных актах, посвященных стратегиям развития конкретного региона и регулированию отношений в конкретной узкой сфере экономики и производства [18]. В подзаконных актах регионального уровня, как правило, общего характера, связанных с перспективами развития конкретного региона, имеются указания на необходимость развития кластеров в той или иной сфере производства или услуг [19]. В актах муниципального уровня также встречаются примеры использования кластерного подхода. Однако, открытым остается вопрос о содержании термина «кластер», который используется в актах субъектов Российской Федерации, муниципалитетов.

Учитывая сложный комплексный социально-экономический характер такого объединения юридических лиц, как кластер, а также необходимость и целесообразность развития и применения кластерного подхода в России, следует принять специальный Федеральный закон «О кластерах», закрепляющий общее понятие кластера, его признаки и отличительные черты как комплексного объединения различных форм юридических лиц, органов государственной власти и органов местного самоуправления, имеющих сложный координационный характер взаимоотношений. Указанный правовой акт позволит создать единый правовой режим в отношении данной формы объединения субъектов, и унифицировано подходить к регулированию кластеров на территории различных регионов Российской Федерации.

Дополнительно следует включить в гл. 4 ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] отдельный параграф, посвященный формам объединения коммерческих юридических лиц (холдингам, корпорациям, финансово-промышленным группам и кластерам), закрепив тем самым общее понятие кластера как разновидности объединения юридических лиц и органов публичной власти. Правовая легализация кластера позволит единообразно подходить к кластерным вопросам в рамках отдельных видов экономической деятельности, сфер производства и услуг.

Формирование надлежащей законодательной базы, закрепляющей механизм правового регулирования кластерных отношений, является необходимым фактором его эффективного внедрения и функционирования. В современных условиях развития экономики и государства идея кластерного подхода становится популярной и естественным образом набирает обороты, а сам кластер как форма объединения и интеграции подразумевает участие не только хозяйствующих участников рынка, но и властных субъектов (органов государственной власти и местного самоуправления).

Дополнительно следует обратить внимание на роль государства в создании перспективных кластеров, которая заключается не столько в финансировании [14] данных субъектов, сколько в оказании поддержки нефинансового характера: реализации политики по привлечению инвестиций, содействию в реализации продукции на внешних рынках, регулировании рынка рабочей силы, инвестировании в перспективные научные исследования и разработки, создании образовательных программ, защите интеллектуальной собственности, налоговых преференций.

Формирование кластеров априори обуславливает разработку отдельной методики оценки эффективности их функционирования (отчетность предприятий кластера → региональные органы статистики → ОКВЭД → ВРП), учитывающей влияние результатов деятельности кластеров на развитие отдельных сфер региона и рост валового регионального продукта. Наличие факторов развития конкурентоспособности кластеров

будет способствовать повышению конкурентоспособности региона посредством углубления специализации и повышения добавленной стоимости в конечной продукции, что будет обеспечивать устойчивый рост объемов производства продукции кластера; а также за счет высокого уровня эффективной взаимосвязи между корпоративными структурами, инвестиционными, посредническими, научными, учебными, общественными организациями региона.

Библиографический список

1. Англо-русский русско-английский мини-словарь + грамматика / под ред. А.П. Ивакина. М. : Эксмо, 2013. - 704 с.
2. Бондаренко В. Малые предприятия в системе кластеров // Бизнес для всех. 2005. № 33. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.businesspress.ru> (дата обращения: 28.01.2014).
3. Горшенева О.В. Кластеры: сущность, виды, принципы организации и создания в регионах // Экон. Вестник Ростовского гос. Ун-та. № 4. ч. 2. С. 28 – 34.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики : учебник для вузов. 2-е изд. М. : ГУ ВШЭ, 2001. - 495 с.
6. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М. : Мысль, 1969. - 335 с.
7. Марков Л.С. Кластеры: формализация взаимосвязей в неформализованных производственных структурах. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2006. - 194 с.
8. Новости РИА "ФедералПресс" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedpress.ru>
9. О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О стратегическом планировании социально-экономического развития : Закон Алтайского края от 09.02.2011 N 19-ЗС // Алтайская правда. 2011. N 39.
11. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

-
12. Об особых экономических зонах в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.07.2005 N 116-ФЗ (ред. от 11.06.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 13. Печаткин В.В. Формирование кластерного опорного каркаса регионов как направление повышения конкурентоспособности России // Региональная экономика : теория и практика. 2010. № 34. С. 36 – 42.
 14. Портер Майкл Э. Конкуренция : пер. с англ. М. : Издательский дом «Вильямс», 2002. - 496 с.
 15. Постановление Правительства РФ от 14.10.2010 N 833 "О создании туристического кластера в Северо-Кавказском федеральном округе, Краснодарском крае и Республике Адыгея" [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 16. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития РФ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». <https://base.garant.ru/70309010/>
 17. Скиба А.Н. Кластеры: реализация системного принципа в пространственно-институциональной организации производства // Региональная экономика : теория и практика. 2011. № 10. С. 38 – 44.
 18. Шамлина Г.Г. Кластеры в экономике России // Региональная экономика : теория и практика. 2008. № 6. С. 42 – 48.

Электронное научное издание

Общество, управление и закон: теоретические и практические подходы
сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции

5 февраля 2022 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству
обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN 978-1-6780-3682-9

9 781678 036829

Формат 60x84/16. Усл. печ. Л 1,5. Тираж 100 экз.
Lulu Press, Inc. 627 Davis Drive Suite 300
Morrisville, NC 27560
Издательство НОО Профессиональная наука
Нижний Новгород, ул. М. Горького, 4/2, 4 этаж, офис №1